

Лин Юйшу был вместе с Шэн Сючжи пять лет и полагал, что знает его досконально. Конечно, он прекрасно понимал, что в действительности Шэн Сючжи вовсе не такой мягкий и безобидный, каким старается казаться в его присутствии. Тот факт, что сотрудники Корпорации Шэн до смерти боятся своего босса, был тому ярким подтверждением.

Он думал, что знает Шэн Сючжи, но в день третьей годовщины их свадьбы Лин Юйшу внезапно осознал, что на самом деле его знания об этом человеке ничтожны.

Совершенно ничтожны.

Он никогда не подозревал, что Шэн Сючжи может быть таким... таким...

Для этого просто не находилось слов!

До свадьбы они уже делили постель, и тогда Шэн Сючжи, человек с невероятной, просто зашкаливающей жадой контроля, вёл себя неожиданно сдержанно и терпеливо, проявляя поразительную выдержку и самообладание.

Если сравнивать это с музыкальным произведением, то оно начиналось с долгого вступления и неторопливого ритма, такт за тактом наращивая напряжение, позволяя эмоциям накапливаться постепенно, без суеты и спешки, словно медленное томление на слабом огне, чтобы в конце обернуться чем-то невозмутимым, но донельзя глубоким и всепоглощающим.

Это напоминало густой мёд, незримо окутывающую и не выпускающую из своих сетей ловушку, или медленно затягивающую трясину, отнимающую последнее дыхание, — ту самую плотную, герметичную хватку, от которой не скрыться.

Шэн Сючжи мог неспешно возиться с ним всю ночь напролёт, доводя до самого предела. И даже когда Лин Юйшу уже казалось, что он вот-вот умрёт от изнеможения, движения Шэн Сючжи оставались такими же ясными и безупречными.

Позже Лин Юйшу понял, что Шэн Сючжи на самом деле избегает всякой горячности. Он был невероятно сдержан, просто запредельно, и ни разу не позволил себе полной потери контроля. Иногда его взгляд, казалось, был настолько подавленным и тяжёлым, будто он готов наброситься и проглотить его целиком, вместе с костями и кровью, но движения при этом оставались ласковыми.

Такой Шэн Сючжи казался даже немного... чужим. Он наконец-то узнал, каким бывает Шэн Сючжи, когда совершенно не сдерживается.

Лишь сегодня Лин Юйшу дождался момента, когда дверь в глубине души Шэн Сючжи приоткрылась для него хотя бы на крошечную щель.

Вероятно, тогда Шэн Сючжи решил, что он уже спит, и, коснувшись поцелуем его ресниц, прошептал: Юйшу, ты правда меня не помнишь?

В его голосе звучали весьма сложные чувства.

Перед тем как окончательно провалиться в сон, произошло еще кое-что.

Его рука сжимала отворот рубашки Шэн Сючжи, а яркие, чистые глаза были плотно закрыты. Ресницы время от времени подрагивали — он был так сильно измучен, что в этом проглядывала какая-то совершенно чистая невинность.

Двойник? Кто? Какой еще двойник? Кто здесь двойник?

Его челка все еще оставалась влажной, а щеки слегка покраснелись, приобретя нежный оттенок, словно лепестки роз, раздавленные пальцами.

Шэн Сючжи наблюдал за всем этим. Его сердце бешено колотилось, часы то и дело подавали предупреждающие сигналы вибрацией, но он не обращал на это ни малейшего внимания.

Он не мог понять, откуда берется это чувство — одновременно чужое и до боли знакомое.

В конце концов он завернул Лин Юйшу в одеяло, сам отправился в ванную, чтобы по-быстрому привести себя в порядок, а затем вернулся в постель и прижал его к себе.

Все было совсем не так.

Он не знал, сколько еще сможет оставаться в этом мире, но в душе уже зародилось бесконечное нежелание расставаться — и вместе с ним всепоглощающая ревность.

Однако эта странная близость не вызывала у Лин Юйшу отторжения. Напротив, в ней сквозило некое едва уловимое родство, заставлявшее его в полузабытьи думать, будто когда-то прежде они с Шэн Сючжи уже так же страстно переплетались в объятиях, отдаваясь друг другу без остатка, до самого конца. Он помнил лишь то, что в конце концов проплакал все слезы, умолял о пощаде и, вероятно, наговорил Шэн Сючжи немало постыдных вещей. Когда всё наконец закончилось, Шэн Сючжи отнес его в ванную, бережно привел в порядок и уложил в постель, где он, окончательно обессиленный, провалился в сон прямо в объятиях мужчины.

Лин Юйшу: ???

— Погоди-ка.

Шэн Сючжи не дал ему времени на раздумья, вскоре вновь увлекая его в омут страсти.

В общем, он был потрясен до глубины души.

Шэн Сючжи, переставший себя сдерживать, походил на человека, который решил: «Давайте сегодня прямо здесь и умрем». Он действительно не щадил ни себя, ни его. В этой жажде чувствовалось нечто такое, словно мужчина не прикасался к людям годами.

Постой.

Прежде всего, нужно исправить одну ошибку в своих прошлых суждениях, а именно ту часть, где он думал: «Я ведь не такой уж хрупкий».

На самом деле, Лин Юйшу чувствовал себя до крайности уязвимым, казалось, еще немного — и он просто испустит дух.

Лин Юйшу молчал, размышляя, что за чушь тот несет.

Его кожа была безупречной: гладкая, нежная, сияющая, словно дорогая теплая яшма, к которой невозможно было не прикоснуться пальцами.

Лин Юйшу, по правде говоря, совершенно не понимал, что именно Шэн Сючжи пытался в себе сдерживать. Он ведь не бумажная кукла, которая рассыплется от одного касания. Ну и что, если дать волю чувствам? Он не такой уж хрупкий (наверное).

Но в то же время... он не мог заставить себя просить о большем.

Вовсе нет.

Кстати, тот человек постоянно носил изготовленные на заказ часы, и на протяжении всего процесса его пульс ни разу не превысил ста двадцати ударов в минуту. В какой-то момент Лин Юйшу даже начал подозревать, не облучили ли Шэн-гэ гамма-лучами: неужели, если пульс перевалит за двести, он превратится в Халка?

Даже во сне он продолжал размышлять, почему Шэн-гэ сегодня ведет себя так странно. Непонятно, то ли он принял не те таблетки, то ли вовсе забыл их выпить.

Этот вопрос с подвохом. Лин Юйшу мгновенно прикусил язык.

У Лин Юйшу было лицо, из-за которого к нему с самого детства постоянно приставали агенты по поиску талантов. Он выглядел настолько покладистым и милым, что агенты прямо говорили: если он примет участие в шоу на выживание, то гарантированно пробьется в дебютный состав лишь за счет своей внешности.

Лин Юйшу понятия не имел, который был час, когда всё закончилось.

Лин Юйшу осторожно пытался выяснить правду, на что Шэн Сючжи лишь отвечал: я себя не сдерживал, милый, я просто такой и есть. Я не хотел причинить тебе боль, поэтому был очень нежен. Разве тебе не нравится моя нежность?

Он пребывал в полном недоумении, сбитый с толку, но его мозг уже подал сигнал тревоги: он был как смартфон с одним процентом заряда, и, когда энергия иссякла, он просто уснул.

Он понимал, что Шэн Сючжи, скорее всего, что-то от него скрывает. В глубине души того словно была наглухо запертая тяжелая железная дверь, которую тот никогда перед ним не открывал. Но это было неважно. У кого нет своих секретов? Лин Юйшу совершенно не заботило это, и он не собирался ставить под сомнение любовь Шэн Сючжи к себе.

Он завидовал тому, настоящему Шэн Сючжи. Завидовал до такой степени, что, казалось, эта ревность вот-вот поглотит всё его сердце.

Шэн Сючжи полуобнимал его, наблюдая за тем, как он мирно спит у него на груди.

Когда он познакомился с Лин Юйшу, он уже знал, что в сердце того живет другой человек. Они вместе прошли через многое, провели несколько безумных и романтических лет, но он знал: человек в сердце Лин Юйшу никуда не исчез.

Шэн Сючжи словно принял некое решение и прошептал:

— Пусть я буду лишь заменой, кем угодно... малыш, только не уходи от меня. Только увидев лицо Шэн Сючжи, он всё понял. Несмотря на то что их характеры и темпераменты были совершенно разными, они обладали до жути похожими лицами.

Значит, вот в чем причина? Это и было тем, что поначалу привело Лин Юйшу к нему?

А что потом? Юйшу понял, что они — не один и тот же человек, и ушел?

В его глазах клубилось что-то темное, неясное и гнетущее.

Многого он не понимал, но это было неважно. За то время, что он был вдали от Лин Юйшу, он до конца уяснил одну вещь:

Неважно, быть заменой или кем-то еще, — всё это не имеет значения. Он готов вечно играть роль другого человека, он действительно готов на это.

Лишь бы Лин Юйшу был рядом.

Мужчина нежно поцеловал Лин Юйшу в лоб.

Тот, даже во сне, привычно отозвался на ласку, чуть плотнее прижался к его груди и продолжил безмятежно спать.

Биологические часы сработали безотказно: Шэн Сючжи проснулся ровно в шесть пятнадцать.

Он резко открыл глаза. Лин Юйшу всё еще был в его объятиях, положив голову на его руку и обхватив за талию.

На Лин Юйшу была шелковая пижама, открывавшая значительную часть кожи на груди, а на ней виднелись многочисленные следы — глубокие и едва заметные, — ярко

свидетельствующие о собственническом чувстве, безбрежном, как океан.

Их было слишком много.

Дыхание Шэн Сючжи перехватило.

В его сознание внезапно, без всякого предупреждения, ворвались обрывки воспоминаний — их... прошлая ночь. Его бесстрастное лицо мгновенно стало опасным, в глазах проступила кровавая пелена, а умные часы на запястье снова завибрировали.

В его объятиях Лин Юйшу, словно что-то почувствовав, дважды вздрогнул.

Шэн Сючжи глубоко вдохнул, подавляя эмоции и стараясь сохранить остатки рассудка, чтобы успокоить Лин Юйшу. Затем, стараясь не шуметь, он выбрался из кровати и направился в ванную.

Он с силой ударил кулаком по зеркалу над раковиной.

Зеркало разлетелось вдребезги. В бесчисленных осколках отразилось лицо Шэн Сючжи, переполненное жадой убийства.

— Шэн Янь, ты посмел! — холодно произнес он, глядя прямо в свои отражения. Жажда убийства, подобно снежной буре в краю вечной мерзлоты, внезапно вырвалась наружу.

Словно беседуя с кем-то через зеркало, он спустя несколько секунд неспешно добавил:

— Юйшу совсем не помнит того прошлого. Раз он не помнит, значит, этого как будто и не было. А почему Юйшу выбрал тебя, взглянув на мое лицо, ты и сам должен прекрасно понимать.

Спустя еще какое-то время он дернул уголком рта в холодной усмешке и мрачно произнес:

— Не бойся, такого не случится. Раньше, чем это произойдет, я разорву тебя на куски. Это мой мир, Шэн Янь, смотри, смогу ли я это сделать.

В следующую секунду зеркало окончательно превратилось в грудку мелких осколков, которые обрушились вниз, подобно лавине.

Шэн Сючжи принял душ и вернулся к постели, глядя на своего Юйшу.

Он просто не мог им насытиться.

Напоследок он коснулся губами губ спящего и прошептал:

— Подожди меня еще немного. Юйшу, подожди еще чуть-чуть.

Когда Лин Юйшу проснулся, было уже больше одиннадцати.

Он лениво потянулся, чувствуя, что все тело ноет, будто его переехал грузовик.

Воспоминания о вчерашней ночи нахлынули на него волной.

Лин Юйшу невольно покраснел.

Кто бы мог подумать, что Шэн Сючжи способен на такое!

Значит, все это время он скрытничал и сдерживался только потому, что боялся, как бы он не узнал, что на самом деле он — извращенец?

Оказывается, пока он ничего не подозревал, Шэн-гэ уже давно тихонько превращался в извращенца, а как только показал себя, то поразил (?) всех наповал.

Столько лет терпеть, молча нести это бремя... Если подумать, это даже трогательно.

Да какое там!

Надеюсь, Шэн-гэ в будущем сохранит свою хваленую выдержку!

Он больше не мог, правда не мог — вчера он всерьез подумал, что умрет прямо в кровати.

Лин Юйшу, что-то бормоча под нос, сел и посмотрел на свое тело...

Ну, эм-м... захотелось хорошенько избить Шэн Сючжи, чтобы тот перестал сходить с ума.

На прикроватной тумбочке лежала записка от Шэн Сючжи. Он написал, что не хотел его будить, поэтому ушел на работу первым. Внизу варится каша, пусть поест, когда проснется. Еще он упомянул, что зеркало в ванной разбилось и после обеда придут его менять.

Подпись — «Чжи», а рядом нарисовано крошечное сердечко.

Всего лишь сердечко, но Лин Юйшу, увидев его, почувствовал, как желание подраться растаяло, сменившись нежностью, а на душе стало сладко, будто медом намазано.

Ладно, он его простил.

Он выбрался из кровати, но стоило ногам коснуться ковра, как он невольно вскрикнул от боли.

Да уж, Шэн-гэ в последнее время занят как собака, а всё равно такой прыткий — это просто антинаучно.

Лин Юйшу был глубоко уязвлен.

Кстати говоря, когда Шэн Сючжи обнимал его во сне, он всё что-то бормотал. Шэн-гэ обычно такой молчаливый, а как сорвался с цепи, так стал таким разговорчивым.

Что же он там повторял? Кажется, что-то про... замену?

Лин Юйшу, который как раз переодевался, замер, моргнув.

Точно, он сказал «замена», Шэн-гэ определенно произнес это слово, вот только саму фразу он уже не помнил.

О какой замене шла речь?

Кто для кого был заменой?

Тысячи мыслей пронесли в голове Лин Юйшу.

Он не хотел ссориться с Шэн Сючжи из-за таких недопониманий, поэтому сразу взял телефон и

позвонил ему.

Шэн Сючжи ответил почти мгновенно:

— Проснулся, Юйшу?

Лин Юйшу ответил:

— Да. Шэн-гэ, ты занят?

Шэн Сючжи сказал:

— Занят. Но даже если очень занят, я хочу поужинать с тобой. Забронировал тот итальянский ресторан на улице Аньфэн, встретимся вечером.

Лин Юйшу невольно улыбнулся.

Когда он улыбался, на щеках появлялись две крошечные ямочки — это выглядело очень мило.

Оба на мгновение замолчали, и в трубке было слышно только дыхание друг друга.

Секунд через десять они заговорили одновременно:

Лин Юйшу произнес:

— Шэн-гэ, что ты имел в виду, когда вчера говорил про какую-то «замену»? Надеюсь, я не чья-то замена?

Шэн Сючжи произнес:

— Малыш, кто тебе нравится больше: я вчерашний или я прежний?

И снова десять секунд тишины.

Такой тишины, от которой, как говорится, закладывает уши.

Лин Юйшу: ???

Ты хоть слышишь, что несешь? Брат, ты понимаешь, что ты немного извращенец?

Шэн Сючжи: ???

Старый пес Шэн Янь, ну зачем ты открыл рот! Хотел играть роль замены, так играй нормально, к чему лишняя болтовня? Быстро возвращайся и отвечай на вопрос!

<http://bllate.org/book/21010/2136086>